

ДОЖИВЕМ ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА

Киноповесть о трех днях в одной школе

Куда-то все спешит надменная столица,
с которую давно мы перешли на «вы»...
Все меньше мест в Москве,
Где помнят наши лица,
все больше мест в Москве,
где и без нас правы.

Булат Окуджава

ЧЕТВЕРГ

Может быть, мы не заметили ту осень, которую любил Пушкин. Допустим, из-за ее застенчивой краткости в этом году.

А можно сказать категоричнее: такой осени не заслужили мы, вот Москва и не видела ее. Теперь уж не увидим — сразу, наверное, к «белым мухам» перейдем.

Факт налицо: не та осень! Всего лишь «облачная погода без прояснений», не более.

Только к утру перестал дождь.

Во дворе у серого четырехэтажного здания школы безлюдно — мокрые деревья да птичий крик...

Выбежали из этого здания два пацана без пальто. Поеживаясь и оглядываясь, закурили. Выступ небольшой каменной лестницы загораживает их от ветра и от возможных наблюдателей, но только с одной стороны.

А с противоположной — как раз идет человек. В очках. Сосредоточен на том, куда поставить ногу, чтобы не увязнуть в глине. В углу его рта — незажженная сигарета.

Мальчики нырнули обратно в помещение.

— Как думаешь, видел? — спросил один, щуплый, с мышинными зубками. Второй пожал плечами.

Потом тот человек вошел в вестибюль.

— Здравсте, Илья Семеныч, — сказали оба мальчугана. Щуплый счел нужным объяснить их отсутствие на уроке:

— Нас за нянечкой послали, а ее нету...

— А спички есть? — спросил мужчина, вытирая ноги.

— Спички? Не... Мы же не курим.

Мужчина прошел в учительскую раздевалку.

— Надо было дать, — сказал второй мальчишка. — Он нормально спросил, как человек.

Щуплый со знанием жизни возразил:

— А кто его знает? С одной стороны — человек, с другой стороны — учитель... Пошли.

* * *

Под потолком летает обезумевшая, взъерошенная ворона. От воплей, от протянутых к ней рук, от ужаса перед облавой она мечется, ударяясь о плафоны, тяжело машет старыми крыльями, пробует закрепиться на выступе классной доски, роня перья... Там до нее легко дотянуться, и она перебирается выше, на портрет Ломоносова.

Молоденькая учительница английского языка ошеломлена и напугана ужасно. Сорвали урок!.. Совсем озверели от восторга, их теперь не унять, не перекричать... Весь авторитет — коту под хвост! Ее предупреждали: как начнешь — так и сложится на годы вперед... Проблема № 1 — правильно поставить себя, заявить определенный стиль отношений... Вот она и заявила!

— Швабру тащи, швабру!

— А почему она не каркает? Может, немая?

— Черевичкина, ты всегда завтраки таскаешь, давай сюда хлеб!

— Станет она есть, жди! Сперва пусть очухается!

— Наталья Сергеевна, а как по-английски ворона?

— Вспомнил про английский! Вот спасибо...

— Ну как, Наталья Сергеевна?

— A crow.

— Эй, кр-роу, крроу, кррроу!!!

— Тряпкой надо в нее! Дежурный, где тряпка?

— «Какие перышки! Какой носок! И верно, ангельский...»

— Ну знаешь классику, знаешь! Братцы, под лестницей белила стоят. Искупаем ее?

— Сдохнет.

— Крроу, крроу!

И все это выкрикивается почти одновременно, и в глазах Натальи Сергеевны рябит от этих вдохновенно-хулиганских, вспотевших, хохочущих лиц! Вот уже кто-то приволок швабру, отнимают ее друг у друга... Ворона сжимается, пятится, закрывая глаза...

— Хватит! Не смейте ее пугать, она живая! — вдруг кричит Наталья Сергеевна, которая другие совсем слова готовила: про потерянный человеческий облик, про вызов родителей, про строжайшие меры... У переростка Сыромятникова она силой отбирает швабру, сует ее девчонке:

— Дикари вы, да? Рита, унеси швабру!

Потом она встала на стул и в наступившей тишине потянулась к вороне:

— Не бойся, глупенькая. Ничего мы тебе не сделаем...

Восхищенно переглядываются ребята: новая англичаночка у них, оказывается, — что надо!

Одному из ребят возня с вороной наскучила. Это Генка Шестопал, парень с темными недобродушными глазами, с драмой короткого роста, со скандальной — заметим к слову — репутацией. Китель расстегнут, руки в карманах, движения какие-то нервно-пружинистые. Он вышел в пустой коридор вслед за девчонкой, которая вынесла туда швабру.

— Что бу-удет!.. — весело ужасаясь, сказала ему девочка про всю эту кутерьму.

Она была тоненькая, светлая, зеленоглазая, ее звали Рита Черкасова.

— А что будет? — меланхолически спросил Генка. — Будут метать икру, только и всего...

— А кто это сделал-то? Я и не заметила, откуда она вылетела.

— А зря. — Генка открыто разглядывал Риту. Другим девчонкам не под силу соперничать с ней, и она это знает, оттого и ведет себя с тем королевским достоинством, которому не приходится кричать о себе: имеющий глаза увидит и так...

— Зря не заметила. Ты член бюро, с тебя будут спрашивать...

Она дунула небрежно вверх, прогоняя падающую на глаза прядь волос, и хотела вернуться в класс, но Генка привалился спиной к двери.

— «Что за женщина, — тихонько пропел он, — увижу и немею-ею... Оттого-то, понимаешь, не гляжу...»

— Пусти, ну!

— Если это дело будет разбираться в верхах, — проговорил Генка бесстрастно, — можешь сказать, что ворону принес я.

— Ты?! Очень мило с твоей стороны, — поразилась она. — Я жутко запустила английский, два раза отказывалась, а сегодня погорела бы точно.

— А моя ворона умница, она это учла, — глядя в потолок, намекнул Генка. — Ну ладно, иди, а то телохранитель твой заволнуется. — Это он произнес уже другим тоном, едким и мрачным.

— Из-за тебя? — Она смерила его взглядом и вернулась в класс. Генка вздохнул и пошел за ней.

...Наталья Сергеевна, все еще стоя на стуле, подумала вслух:

— Так она не пойдет на руки. Надо хлеба на книжку... Есть хлеб?

— А как же! Черевичкина! — Это крикнул Костя Батищев, красивый парень в таких джинсах, какие в конце шестидесятых могли достать и натянуть на себя немногие... Это его Генка назвал телохранителем Риты, и она действительно немедля оказалась рядом с ним. Они и за партой сидели вместе. И вообще их роман законным образом цвел на глазах у всех.

Пышнотелая Черевичкина давно держала наготове полиэтиленовый мешочек с бутербродами. Не вынимая их оттуда, она отщипнула немножко.

— Вороне Главжиртрест послал кусочек сыра, — продекларировал Михайцев, большой энтузиаст нынешнего переполоха. Он вырвал у нее мешочек. — Не жмотничай, тебе фигуру надо беречь...

Класс продолжал ходить ходуном.

* * *

По коридору шагал Илья Семенович Мельников, учитель истории, — это его мы видели, когда он входил в школу. Худощавый лобастый человек. Сорок пять ему? Сорок восемь? Серебряный чубчик. Иронический рот и близорукость придают его облику некоторую надменность. Но стоит ему снять очки — выражение глаз станет беззащитным. Он чем-то на Грибоедова похож.

Мельникова остановил шум за дверью девятого «В». Пришлось заглянуть: с нового учебного года он был здесь классным руководителем.

То, что он увидел, было настоящим ЧП: класс радостно сходил с ума; учительница, явно забывшись, стояла на стуле; кольцом окружали ее ребята, ни один не сидел за партой; все шесть плафонов на потолке угрожающе раскачивались; спасибо, что не все шесть — на полную амплитуду!

Мельников распахнул дверь и ждал не двигаясь. Просто глядел и вникал. Они застыли на местах. Мальчишки прекратили жевать конфискованные у Черевичкиной бутерброды.

Опустив голову, закрыв щеки и уши обеими руками, умирала от стыда и страха Наталья Сергеевна. Она даже со стула забыла слезть, до того оцепенела.

Мельников понял, что взрослых здесь не двое, как могло показаться, а он один.

Оглядываясь на него, ребята побрели к своим партам. Наталья Сергеевна, неловко натягивая подол, слезла со стула. Только теперь, когда все расступились, Мельников увидел ворону. Она, словно специально, чтобы обратить на себя его внимание, покинула ломоносовский портрет и села на шкаф для наглядных пособий. Многие прыснули.

— Илья Семенович, понимаете... — краснея, начала Наталья Сергеевна, — я давала на доске новую лексику, было все хорошо, тихо... И вдруг — летит... Я не выяснила, кто ее принес, или, может быть, она сама...

— Сама, сама, что за вопрос! Погреться, — насмешливо перебил Мельников, глянув на закрытые окна. — А зачем передо

мною оправдываться? Класс на редкость активен, у вас с ним полный контакт, всем весело, — зачем же я буду вмешиваться? Я не буду. — Он повернулся и вышел.

В классе приглушенно засмеялись, потом притихли — кто затаил азартное любопытство (теперь-то что она будет делать?!), кто — сочувствие (зря мы ее подставили... все-таки совсем еще девчонка).

— А правда, что вы у него учились? — спросил Генка, с интересом наблюдавший за ней.

Ответа не последовало. Прикусив губу, постояла в растерянности Наталья Сергеевна и вдруг выбежала вслед за Мельниковым. Догнала его в пустом коридоре.

— Илья Семенович!

— Да? — Он остановился.

— Зачем вы так? Илья Семеныч? Да, я виновата, я не справляюсь еще... Но вы могли бы помочь...

— В чем же? Если вам нужна их любовь — тогда дело в шляпе: они, похоже, без ума от вас... А если авторитет...

— А вам теперь любовь не нужна?

Мельников усмехнулся:

— Любовь зла. Не позволяйте им садиться себе на голову, дистанцию держите, дистанцию! Чтобы не плакать потом... А помочь не сумею: никогда не ловил ворон!

Почему у нее горят щеки под его взглядом? Почему она поворачивается, как солдатик, и почти бежит, чувствуя этот взгляд спиной?

В классе она, конечно, застала все то же бузотерство вокруг вороны. И — принялась держать дистанцию...

С такой холодной угрозой она им сказала: «Silence! Take your places», что сели они сразу и молча уставились на нее с опасливым ожиданием. Она подошла к окну, открыла первую раму... Немного замешкалась, открывая вторую: шпингалет не поддавался.

— Выбросит! — вслух догадалась Рита Черкасова.

— Вспугнуть бы... — прошептал мечтательно чернявый Михайцев.

Англичанка стояла спиной: надо было успеть, пока она не обернулась. И, прицелившись, Костя Батищев сильно и точно

запустил в ворону тряпкой. Но слишком сильно и слишком точно — так, что даже ахнули: мокрая и оттого тяжелая тряпка накрыла птицу, сбила ее и только упростила учительнице дело. Она взяла этот трепыхающийся ком — и выкинула.

Стало очень тихо. Наталья Сергеевна захлопнула окно и стала быстро-быстро перебирать и перелистывать на столе свои записи...

— А мне мама говорила, что птичек убивать нехорошо, — меланхолично сказал переросток Сыромятников.

— Без суда и следствия, — добавил Михейцев.

Не очень послушной рукой Наташа стала выписывать на доске лексику к новому тексту. Но класс не унимался.

— Наталья Сергеевна, ведь четвертый же этаж! В тряпке! Зачем вы так, Наталья Сергеевна! — волновались девочки.

Напрасно она пыталась вернуться к английскому, напрасно стучала по столу и повторяла:

— Stop talking! Silence, please!¹ — (Чужой язык раздражал их, пока не выяснили кое-чего на своем.)

Генка, ни слова не говоря, сердито-серьезно следил за событиями. Зато острил, розовый от злости и возбуждения, его соперник Костя Батищев:

— Гражданская панихида объявляется открытой... Покойница отдала жизнь делу народного образования.

— Батищев, shut up!² — грозно сказала учительница.

— А может, не разбилась? — предположил кто-то. — Я сбегаю погляжу, можно, Наталья Сергеевна? Я мигом, — вызвался Сыромятников и уже встал и пошел. — Я даже принести могу — живую или дохлую, хотите?

Наташа схватила его за рукав:

— Вернись!

— Ты не сюда, ты Илье Семеновичу принеси, — медленно, отчетливо произнесла Рита. — Пусть он видит, какие жертвы для него делаются...

Это оскорбило Наталью Сергеевну до слез, она задохнулась и скомандовала на двух языках:

— Черкасова, go out! Выйди вон!

¹ Прекратите разговаривать! Тишина! (англ.)

² Замолчи! (англ.)

Рита дунула вверх, прогоняя падающую на глаза прядь, переглянулась с Костей и неторопливо, с улыбкой, ушла.

Сыромятников — вслед за ней.

— Интересно, за что вы ее? — сузил глаза Костя. — Ребятки, нам подменили учительницу! У нас была чудесная веселая девушка...

— Батищев, go out! Я вам не девушка! — выпалила Наталья Сергеевна под хохот мужской половины класса.

— Ну все равно — женщина, я извиняюсь, — широко улыбаясь, продолжал Костя. — И вдруг — Аракчеев в юбке.

— Думайте что хотите, но там, за дверью... Be quick!

В знак протеста мальчишки застучали ногами, загудели... У двери Костя посулил сострадательным тоном:

— Так вы скоро одна останетесь...

— Пожалуйста. Я никого не держу! — окончательно сорвалась учительница, бледная, как стенка, и отвернулась к доске, чтобы выписать там остаток новых слов...

Поднялся и пошел к двери Михейцев. И его сосед. И в солидарном молчании поднялось полкласса... а затем и весь класс. Уходя, Генка сказал:

— «И зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове...»

...Потемнело в глазах Натальи Сергеевны. Только слух различал, как еще одна группа встает, еще ряд пустеет... Когда она открыла глаза, в классе сидела только одна перепуганная толстая Черевичкина. Ужаснулась Наташа и снова закрыла глаза.

* * *

Уроки кончились, школа работала в тот год в одну смену. Жизнь, правда, превращала эту одну — минимум в полторы. Вот гнется над тетрадками словесница Светлана Михайловна, гуляет по страницам ее толстый синий карандаш. И это, считайте, покой еще, почти досуг... Вот она подняла голову, недоуменно прислушалась: музыка... Прекрасная и печальная музыка, совсем необычная для этих стен.

Светлана Михайловна заложила тетрадку карандашом и встала, любопытство повело ее наверх, в актовый зал... Она тихонько входит. В зале свет не горит и пусто. Нужно сперва освоиться с полумраком, чтобы увидеть: на сцене у рояля сидит Мельников и играет пустым стульям. При чахлом свете заоконного фонаря ему клавиатуры не видно наверняка — и не надо, выходит? Пальцы его сами знают все наизусть?

— Так вот кто этот таинственный романтик! — бархатисто засмеялась Светлана Михайловна.

Мельников вздрогнул, убрал руки с клавиш.

— Да нет, вы играйте, играйте, я с удовольствием вас слушаю. Я только мрака не люблю, я включу? — И зажглись все плафоны. — Вот! Совсем другое настроение... Это вы играли какую вещь?

Мельников вздохнул, но ответил:

— «Одинокий путешественник» Грига.

Помолчали.

— Да... — теперь уже вздохнула Светлана Михайловна. — Настоящую музыку понимают немногие...

Она сделала паузу, ожидая, что он подхватит ее мысль, но Мельников молчал, только пальцы его изредка задевали клавиши... Продолжить пришлось самой Светлане Михайловне:

— Я всегда твержу: нельзя нам замыкаться в скорлупе предмета. Надо брать шире, верно? Черпать и рядом, и подальше, и где только возможно! Всесторонне. И тогда личная жизнь у многих могла бы быть богаче... Если подумать хорошенько.

Мельников согласился вежливо:

— Если подумать — конечно.

— А кстати, почему вы не спешите домой? Не тянет?

Вопрос был задан значительно, но Мельников его упростил:

— Дождь.

— Дождь? — переспросила она недоверчиво. — Ну да, конечно.

Разговор клеился плохо.

— «В нашем городе дождь...» — негромко пропела Светлана Михайловна, умудренно, с печальной лаской глядя на Мельникова. — «Он идет днем и ночью...»

Одним пальцем он подыграл ей мелодию.

— «Слов моих ты не ждешь... Ла-ла-ла-ла...»

Вдруг все плафоны погасли. Мимо застекленной двери, за которой оставался последний из нормальных источников света, прошла нянечка с ведром. Возможно, это был с ее стороны намек: закругляйтесь, мол, с вашей лирикой...

— Я ведь пела когда-то, — поспешила заговорить Светлана Михайловна. — Было такое хобби! Когда я еще в Пензе работала, меня там, представьте, для областного радио записывали: «Забывшие романсы»... И четырежды дали в эфир! Где-то и теперь та бобина пылится.

— Вот бы послушать, — сказал Мельников.

— Вы правда хотите? — встрепенулась Светлана Михайловна.

— А что? Допустим, на большой перемене? Школьный радиоузел не балует же нас ничем человеческим — а тут всех разом приобщил бы к романсам! Питательно же!

Это он пошутил? Холодновато как-то. А может, и едко. Впрочем, она перестала понимать все его шуточки — безобидные они или обидные? Вот и сейчас, не разобрав толком, ужалил он ее или ободрить хотел, — потускнела Светлана Михайловна, сникла. От самой головоломки этой. Затем, преодолев минутную слабость, потребовала:

— Дайте мне сигарету.

Мельников дал сигарету, дал прикурить и спустился в зал. Сел там на один из стульев. Теперь они были разделены значительным пространством.

Светлана Михайловна жадно затянулась и затем спокойно через весь зал сказала:

— Зря злитесь, зря расстраиваетесь... И зря играете «Одинокого пешехода».

— Путешественника, — поправил он. И зачем-то перевел на английский: — «Alone traveller».

— Вот-вот, — подхватила Светлана Михайловна. — Ничего ей не будет. Ее простят — и дирекция, и вы в первую очередь. Она же девочка, только начинает. Это мы с вами ничего не можем себе простить и позволить...

Закрыв глаза, Мельников откинулся на спинку стула.

Шумел за окнами дождь.

Светлана Михайловна подошла к Мельникову.

— Что с вами? — спросила она, страстно желая понять. —

Почему вы стали таким?

— Каким? — Мельников спросил, не открывая глаз.

— Другим!

Он вдруг подмигнул ей и прочитал:

— Не властны мы в самих себе,

И в молодые наши леты

Даем поспешные обеты,

Смешные, может быть,

Всевидающей судьбе.

Как просто сказано, обратите внимание... как спокойно...

И — навсегда.

— Еще бы, — осторожно поддержала Светлана Михайловна. — Классик.

— Кто?

Глаза ее устремились вверх, на лбу собралась гармошка морщин — ни дать ни взять, школьница у доски.

— Похоже на Некрасова. Нет?

Он покачал головой. Ему нравилось играть с ней, с учительницей литературы, в такие изнурительные для нее викторины.

— Тю... Не Тютчев?

— Холодно.

— Фет?

— Холодно. Это не из школьной программы.

— Сдаюсь...

— Баратынский.

— Ну, знаете! Никто не обязан помнить всех второстепенных авторов, — раздражилась вдруг Светлана Михайловна. — Баратынский!

— А его уже перевели, вы не слышали разве?

Она смотрела озадаченно.

— Перевели недавно, да. В первостепенные.

За что он ей мстит? За что?! И она сказала, платя ему той же монетой:

— Вы стали злым, безразличным и одиноким. Вы просто ушли в себя и развели там пессимизм! А вы ведь историк... Вам это неудобно с политической даже точки зрения.

Вот этого ей говорить не стоило! Мельников едко усмехнулся и отрезал:

— Я, Светлана Михайловна, сейчас даю историю до семнадцатого года. Так что политически тут все в порядке...

Он поднялся, чужой, холодно поблескивающий стеклами очков, в черном пальто, накинутом на плечи...

Она поняла, что его уже не вернешь, и мстительно спросила вслед:

— Вас, очевидно, заждалась ваша мама?

— Очевидно. До свидания.

Хлопнула дверь.

Сидит Светлана Михайловна в полутемном зале одна, слушает гулкие шаги, которые все дальше, все тише.

Черт бы подрал его с этими шуточками! Учитель не имеет права на них! Учитель — это же ясность сама, ему противопоказана двусмысленность... Разве не так?

* * *

Они встретились в булочной — учитель и ученик.

— Пять восемьдесят — в кондитерский, — сказал ученик кассирше. Он был интеллигентный, симпатичный — и почти совсем сухой, в то время как на улице наяривал ливень, отвесный, как стена.

— Двадцать две — хлеб, — сказал Мельников.

И тут парень, отошедший с чеком, заметил его:

— Илья Семенович!

— Виноват...

Дождь сделал непрозрачными мельниковские очки.

Пришлось их снять.

— Боря Рудницкий, если не ошибаюсь?

— Так точно! Вот это встреча!..

Дальнейшее происходило в кабине серой «Волги». Борис сидел с шофером, Мельников — сзади, засовывая хлеб в портфель.

— Ну вот... так-то веселей, чем мокнуть. Приказывайте, Илья Семенович, куда вам?

— Хотелось бы домой, на старый Арбат, там переулочек...

— Отлично. Толик, слышал? — обратился Борис к шоферу; тот кивнул и дал газ. — Все там же живете, все там же работаете... — с тепловатой грустью не то спросил Мельникова, не то констатировал Борис.

— Да. Боря, а что означает сия машина? — В тоне Мельникова благожелательное удивление.

— Как что? — засмеялся Борис. — Простую вещь означает: что в моем департаменте о ценных кадрах заботятся лучше, чем у вас... Мне, например, уже тогда было обидно, что такой человек, как вы, распыляет себя в средней школе... месит грязь, рискует в гололед... Не только несправедливо, но и нерентабельно для общества! С гораздо более высоким КПД вас можно использовать...

Борис говорил это с тем особым дальновидным юмором, который амортизирует резкость любых суждений и не позволяет придрачься к ним...

— Расскажи о себе, — переключил его Мельников.

— А что я? Я в порядке, Илья Семенович, жалоб нет.

— Женат?

— Свободен. — Юмор Бориса утратил долю своей естественности. — Да, кстати, ведь там у вас обосновалась одна наша общая знакомая?.. Как она?

— Рано судить, — с заминкой ответил Мельников. — Есть свои трудности, но у кого их нет?

— Так ведь она обожает их, трудности! Настолько, что создает их искусственно. Себе-то ладно, это дело вкуса, но другим она их тоже создает...

Помолчали. Мельникову хотелось спросить, что значат эти слова, но его что-то удерживало.

СОДЕРЖАНИЕ

КИНОПОВЕСТИ И СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Доживем до понедельника <i>Киноповесть о трех днях в одной школе</i>	7
Ключ без права передачи <i>Киноповесть</i>	81
Перевод с английского. <i>Киноповесть</i> <i>Написана в соавторстве с Натальей Долининой</i>	150
Репетитор <i>Курортная история</i>	220
Не покидай... <i>Киноповесть-сказка</i>	280
Медовый месяц Золушки <i>Сказочная повесть</i>	374
Роль в сказке для взрослых, или Таланты и Полковники <i>Драматическая повесть для экрана</i>	475

РАССКАЗЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

Дайте мне человека... ..	541
Я тебя слушаю. (<i>Этюд</i>)	549
Отец	552
Мой тесть. (<i>Опыт портрета</i>)	555
Помнится то, что восхищало	563
Был у меня друг	571

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ 1960–1970-х ГОДОВ

Есть город-крепость со своим уставом...	593
Письма	595
Интеллигент	596
Есть благословенные минуты...	599
Я в общем чист...	601
Актриса	603
Мне преподали уйму правил...	604